
Е.В. Кривцова

С.С. ПРОКОФЬЕВ – С.В. РАХМАНИНОВ:
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
И ТВОРЧЕСКИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ
(К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КОМПОЗИТОРОВ)¹

Основные вехи развития личных и творческих контактов двух композиторов достаточно полно обозначены в литературе, посвященной Рахманинову, в контексте восприятия им направлений современной, «новой» музыки. Как тема отдельного исследования история связей Рахманинова и Прокофьева нечасто привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей. И совсем мало, на мой взгляд, изучены взаимоотношения композиторов, а также роль Рахманинова в становлении и развитии Прокофьева как человека и музыканта. Возможно, оттого, что в контексте музыковедения XX в. эти фигуры далеки друг от друга. Действительно, творческие методы, музыкальные пристрастия, стиль самовыражения, судьбы Рахманинова и Прокофьева различны. Но не зависит ли такая точка зрения от нашего восприятия, пристрастий, перемен исторических декораций? Субъективность оценочной шкалы несомненна. Однако со временем оценки меняются. Теперь можно говорить о тенденции сближения фигур Рахманинова и Прокофьева в процессе осознания их роли в мировой культуре.

Другая сторона такого взгляда на проблему более частная: назрела необходимость систематизации уже известных фактов, исследования биографических пересечений. Необходимо актуализировать изучение личных и творческих связей Рахманинова и Прокофьева и демифологизировать некоторые аспекты этой темы. Такая кропотливая, не всегда заметная и масштабная, но всегда благодарная работа ведется во Всероссийском музейном объединении музыкальной культуры (ВМОМК) имени М.И. Глинки, так как Рахманинов и Прокофьев являются для музея приоритетными фигурами².

¹ Автор выражает признательность за консультации и помощь в написании статьи музыковедам Марине Павловне Рахмановой, Алексею Александровичу Наумову и внуку композитора С.С. Прокофьева Сергею Святославовичу Прокофьеву.

² Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М.И. Глинки не только хранит фонды С.В. Рахманинова и С.С. Прокофьева, но и является научно-исследовательским центром, координирующим изучение жизни и творчества композиторов. Музейное объединение оказывает помощь Музею-усадьбе С.В. Рахманинова «Ивановка» в Тамбовской области, участвует в издании Полного академического собрания сочинений композитора. В ряде сборников, вышедших в музее, опубликованы научные статьи сотрудников ВМОМК им. М.И. Глинки и неизвестные прежде материалы о Прокофьеве и Рахманинове; см.: Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2001; Новое о Рахманинове: сб. ст. / ред.-сост. И.А. Медведева; науч. ред. М.П. Рахманова, М.В. Есипова; науч. консульт. А.А. Наумов. М., 2006; Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи: К 110-летию со дня рождения / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2006; С.С. Прокофьев: Документы, статьи: сборник / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2007.

Основным источником по теме стали мемуары: дневник Прокофьева, воспоминания Рахманинова³ и фрагменты воспоминаний современников. Не менее важно эпистолярное наследие. Однако количество респондентов и, как следствие, «распыленность» информации, затрудняют его использование. Однако в перспективе анализу писем современников с упоминаниями о взаимоотношениях Рахманинова и Прокофьева принадлежит ведущая роль.

Нарушая привычную в музыковедении парность композиторов: Верди — Вагнер, Скрябин — Рахманинов, Прокофьев — Шостакович и так далее, рассмотрим творческие и личные параллели-пересечения Рахманинова и Прокофьева.

Сергей Сергеевич — младший современник Сергея Васильевича. Разница в возрасте — 18 лет — всегда давала о себе знать в их общении. Двадцатисемилетний Прокофьев, воспринимая сорокапятилетнего (всего лишь!) Рахманинова как уже немолодого человека, восклицал: «О, старое поколение! Неинтересны тебе мысли молодых, но мы вникаем в это чувство и не виним»⁴. На первом этапе знакомства, состоявшегося в 1915 г., всемирно известный композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов относился к Прокофьеву чуть свысока, называя эксперименты Прокофьева «музыкальным озорством». Рахманинов отмечал талант и мощь молодого композитора в «Скифской сюите» (1914), но голосовал против издания ее у С.А. Кусевицкого⁵. На задиристые реплики Прокофьева вроде «Я Вами доволен, Вы хорошо исполнили Скрябина» С.В. Рахманинов отвечал не менее колко, но с улыбкой, приговаривая при этом: «Его нужно осаживать...»⁶ Куда там! Задира Прокофьев не упустил возможности поквитаться с маститым композитором. В обзоре «Скрябинский цикл в Петрограде» на страницах журнала «Музыка», скрывшись за псевдонимом «В. Иванов», Прокофьев оставил за собой последнее слово в обмене колкостями на скрябинскую тему: «Много надежд возлагалось на Рахманинова, впервые выступившего в качестве исполнителя Скрябина. Очень меткую, яркую и глубоко справедливую характеристику исполнения Рахманинова дал г. Каратыгин. К этой оценке, цитированной в прошлом № “Музыки”, я ничего не имею прибавить. Разве что весьма неприятно свойственное Рахманинову акцентирование затактовой восьмой, если с таковой начинается фраза»⁷.

По словам Нины Кошиц, Рахманинов отзывался о сочинительстве Прокофьева так: «Очень талантливый, но еще не выписался»⁸. На что Прокофьев в дневнике раздражается едкой репликой: «Это последнее надо понимать, что я пишу не в той сфере, которая доступна Рахманинову. Если я случайно коснусь ее, то тогда Рах-

³ Воспоминания Рахманинова, записанные и подготовленные к публикации О. Риземаном, не были одобрены самим композитором; см.: *Riesemann O., von. Rachmaninoffs recollections told to Oscar Riesemann. L., 1934.*

⁴ Прокофьев С.С. Дневник: [в 3 ч.]. Р., 2000. Ч. 1: 1907–1918. С. 760.

⁵ См.: Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 375.

⁶ Там же. Т. 1. С. 245.

⁷ Иванов В. Скрябинский цикл в Петрограде // Музыка. 1915. 10 окт. № 227. С. 400. Фрагмент журнала с пометами С.С. Прокофьева хранится в ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 94.

⁸ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 663.

манинов скажет, что в этих сочинениях я выписался»⁹. В этом ключе страницей позже эпитет «недосягаемое божество Рахманинов» мог бы выглядеть очередной ироничной колкостью Сергея Сергеевича, если бы в той же фразе не было вполне искреннего признания в любви «к очень хорошим» романсам Рахманинова (и тут же — «...но мои, конечно, лучше»)¹⁰.

Ранее, в феврале того же 1917 г. Рахманинов присутствовал на концерте Прокофьева в Москве. Этот концерт стал событием для Сергея Прокофьева, который сделал следующую запись в своем дневнике: «На концерт собрались решительно все: Рахманинов, Метнер, Кусевицкий <...> словом, вся музыкальная Москва <...> Рахманинов сидел во втором ряду у прохода рядом с Кусевицким неподвижный как изваяние Будды. Говорят, публика после иных вещей начинала аплодировать, потом взглядывала на своего любимца и, видя его окаменелость, смущенно замолкала. Я очень интересовался его впечатлением и впоследствии узнал, что он ушел недовольный концертом, но все же сказал — А все-таки это талантливо»¹¹.

Очевидно, что для Прокофьева Рахманинов не только олицетворял «всю музыкальную Москву», но был тем композитором, мнение которого было чрезвычайно важным и интересным. Что сказал, как отзывался Рахманинов о его музыке или исполнении, весьма заботит Прокофьева. Покорение музыкальной Москвы, о котором грезит молодой музыкант, во многом зависит от позиции Сергея Васильевича. Стоит отметить, что Прокофьев связан с досоветской музыкальной средой и академической школой Москвы гораздо теснее, чем можно ожидать. Называя, и по праву, Прокофьева питомцем Петербургской консерватории, необходимо помнить о его московском музыкальном круге: Ю.Н. Померанцеве, Р.М. Глиэре, Б.Л. Яворском и, прежде всего, о С.И. Танееве. О нем в дневниках Прокофьев пишет неоднократно, например: «Танеев <...> прочел целую лекцию о теории композиции и о регистровке, и о рисунке музыкальном, и о приеме писать вариации, словом, в несколько часов дал мне в десять раз больше, чем Витоль и Лядов в полтора года. <...> Вот у кого бы учиться!»¹² Что же касается Рахманинова, то можно заключить, что Прокофьев, ничуть не сомневаясь в своем музыкальном несходстве с ним («...пишу не в той сфере, доступной Рахманинову»), тем не менее дорожит возможностью творческого общения и контактов. Думается, не случись октябрьской катастрофы, трагически переломавшей историю России, взаимоотношения Прокофьева и Рахманинова сыграли бы немаловажную, если не определяющую роль в развитии русской музыки.

Эмиграция переменяла многое в истории отечественного музыкального искусства. Исследователи рассматривают два направления, очертившихся в рус-

⁹ Там же. С. 663. Запись за август 1917 г. Разговор с Ниной Кошиц произошел в Кисловодске после отъезда Рахманинова.

¹⁰ Там же. С. 664.

¹¹ В программе концерта прозвучали пять романсов на стихи А.А. Ахматовой, опус 27 (впервые), «Гадкий утенок», на бис — «Наваждение». См.: *Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 1: 1907–1918. С. 637. Запись без даты. Февраль 1917 г.

¹² *Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 1: 1907–1918 С. 115. Запись от 15 февраля 1910 г. Накануне Прокофьев ехал в одном поезде с Танеевым из Петербурга в Москву.

Сергей Прокофьев. <США. 1919>.
Рекламная фотография. ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 568

ском зарубежье 1920–1930-х гг.: так называемые традиционное и современное¹³. Первое, естественно, связано с именем Рахманинова. А имидж разрушителя традиций, бунтаря закрепился за Прокофьевым — «диким мустангом на подножном корму»¹⁴. Впрочем, это деление скорее из области позднейшего изучения музыкальной истории XX в., нежели обстоятельство, способное стать основой объяснения дальнейшего творческого и личного соприкосновения двух великих музыкантов. Трагедия изгнанников, частная драма очевидцев крушения старого мира связывают Прокофьева и Рахманинова. Их реакция на происходящее в революционной России схожа. Ее можно выразить словами Прокофьева: «Запереть сердце на ключ и ко всему окружающему относиться деревянно»¹⁵. В силу оптимизма, свойственного молодости, и складу личности, Прокофьеву было легче, чем Рахманинову, следовать этим словам. Для Сергея Васильевича, обремененного большой

¹³ См.: *Польдяева Е.* Прокофьев и русская эмиграция в Париже 20-х годов // Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи. С. 259.

¹⁴ *Энгель Ю.* На вечере «Музыкального современника» // Русские ведомости. 1917. 10 февр. № 83. Цит. по: Сергей Прокофьев. 1953–1963: Статьи и материалы. М., 1962. С. 343.

¹⁵ *Прокофьев С.С.* Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 685.

семьей, «разоренного большевиками» (по выражению Прокофьева¹⁶), потерявшего свой дом, свой устоявшийся мир, относиться «деревянню» к невзгодам, в том числе и материальным, было труднее.

Прокофьев прибыл в Соединенные Штаты раньше Рахманинова: 21 августа по новому стилю 1918 г. голландское судно «Гротиус» с Сергеем Сергеевичем на борту встало на рейде в заливе Сан-Франциско. А в ноябре того же года неожиданно для Прокофьева в Нью-Йорк прибывает Рахманинов. «Замечательное событие, — отмечает в дневнике Сергей Сергеевич. — Я необычайно обрадовался его приезду и сейчас же отправился в Hotel Netherland¹⁷, где и нашел его...» — пишет Прокофьев. «Я не вполне знал, — продолжает он, — как Рахманинов настроен по отношению ко мне: когда-то он рассердился за мои суждения об исполнении им Скрябина, затем он признал меня чрезвычайно талантливым, но пишущим непонятные вещи... И, наконец, вся эта история с Кошиц¹⁸, но я был уверен, что раз пойду к нему с открытым сердцем, все пойдет на лад. Так и вышло. <...> Рахманинов оказался ужасно славным, занятно ворчливым на американцев и дорогу и звал меня прийти обедать...»¹⁹ Через день Прокофьев снова у Рахманинова, застаёт его за работой над новой редакцией 1-го концерта: «Мы провели час в самом теплом разговоре и право же, Рахмаша (sic! — Е.К.) ужасно хорош. Только жалуется, что стар, что ему нездоровится, что потерял с большевиками все деньги. С концертами здесь торопиться не будет, хочет пожить спокойно. Все время трещали к нему телефоны. Он говорил: “Ах, проклятые!” и посылал меня разговаривать»²⁰. За этими строками, написанными в юмористическом ключе, с налетом некоторого амикошонства чувствуется одиночество и потерянность Прокофьева. Ведь к нему не «трещат телефоны», а его импресарио Адамс, готовящий первый перед американской публикой концерт, не внушает доверия. Как-то сложится карьера в Америке! Да к тому же в кармане осталось только 30 центов и приходится, по определению Прокофьева, «комбинировать» (обедать чашкой кофе, ужинать у знакомых). К этому можно добавить тревогу за мать Марию Григорьевну, оставшуюся в далекой России. О чем же «в теплом разговоре» беседовали два Сергея? Темы прежде всего профессиональные: с чего дебютировать в Америке — симфонического или сольного концерта, что делать с

¹⁶ Там же. С. 757.

¹⁷ В знаменитом отеле «Netherland», расположенном около Центрального парка, С.В. Рахманинов останавливался и в свой первый приезд в Нью-Йорк в 1909 г.

¹⁸ *Порай-Кошиц* Нина Павловна (1892–1965) — артистка оперы и камерная певица. Речь идет о своеобразном «творческо-любовном треугольнике» Рахманинов — Кошиц — Прокофьев, полном недомолвок, впрочем вполне объяснимых словами самой Нины Кошиц, записанных ею в Эссентуках в 1917 г.: «Что делать, если одновременно светят два солнца?.. Да еще хочется, чтобы грело не старое долговечное, а другое, молодое?» (цит. по: *Прокофьев С. Деревянная книга*. СПб., 2009. С. 134). Получив письмо от певицы, в котором она сообщает о своем прибытии в Штаты и обращается с просьбой о помощи в организации гастролей по Америке, Прокофьев запишет в Дневнике вполне определенно: «Кому письмо Нины Кошиц не даст покоя, так это Рахманинову, а особенно его супруге» (*Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 2: 1919–1933. С. 87. Запись от 20 марта 1920 г.). См. также: *Кошиц Н. Мои встречи с Прокофьевым* / публ. Н. Тартаковской // Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи.

¹⁹ *Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 1: 1907–1918. С. 746. Запись от 11 ноября 1918 г.

²⁰ Там же. С. 747. Запись от 13 ноября 1918 г.

разбитым пальцем, чтобы продолжить играть. (Кстати, знаменитый рецепт Рахманинова: тонкий слой ваты, коллодиум и опять слой ваты — Прокофьеву помог, но не понравился: «С тампоном на пальце немного играю, но все же он мешает.»)²¹ Рахманинов, как и Прокофьев, в этот момент на распутье. Решение переехать в Штаты далось Рахманинову непросто. Не миновало его и частое среди русских эмигрантов «творческое безмолвие»: не хотелось сочинять. Даже по истечении многих лет жизни на чужбине композитор, создавший целый ряд великолепных произведений, в интервью «Дейли телеграф» от 29 апреля 1933 г. скажет «За те 17 лет, что я покинул мою родину, я чувствую себя неспособным сочинять»²². А Прокофьев настроен на борьбу. Он готов «и [к] бешеным успехам и к чистке с голода сапог»²³. И вот первый успех в США! 20 ноября 1918 г. Прокофьев в сольном концерте в нью-йоркском Эолиан-холле исполнил Рахманинова, Скрябина, самого себя. «“Этюды-картины” Рахманинова, — отчитался он «Дневнику», — я сыграл просто-напросто очень хорошо»²⁴. Включение в программу recital'я сочинений Рахманинова и Скрябина имело причины прагматические: Прокофьев решил подстраховаться перед вкусами неизвестной ему публики и сыграть произведения авторов, уже имевших успех и известность в Америке. Как жаль, что не сохранилось записей сочинений Рахманинова в интерпретации Прокофьева! Это было бы лучшим доказательством того, что Сергей Сергеевич не только прагматичен в выборе репертуара, но покорен музыкой Сергея Васильевича, хотя и нечасто заявляет об этом публично. В этом проявилась ставшая притчей во языцех прокофьевская двойственность. В своих музыкальных пристрастиях он, по словам Н.С. Голованова, «нежный любовник, очарованный», но «боящийся попасть в тенеты мелодии с ее сладким очарованием и сейчас же выстукивающий <...> свои токкаты»²⁵.

В 1915 г., драматически расставшись со своей возлюбленной Ниной Мещерской, Прокофьев дома музицировал, чтобы унять сердечную боль. Он играл Рахманинова — 3-й фортепианный концерт. Жена Прокофьева Лина Ивановна вспоминала, что Прокофьев любил слушать на пластинках 2-й и 3-й фортепианные концерты Рахманинова в исполнении автора. «Неоднократно слушая по радио произведения С.В. Рахманинова, Сергей Сергеевич говорил, что у него есть “темы удивительной красоты”, в частности во 2-м концерте», — свидетельствует вторая жена Прокофьева Мира Александровна²⁶. Как пианист Сергей Сергеевич

²¹ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 747. Запись от 14 ноября 1918 г.

²² S. Rachmaninov's interview // Daily Telegraph, 1933. 29 April. См. также интервью Рахманинова, данное в ноябре 1934 г., в котором композитор говорит: «У изгнанника, который лишился музыкальных корней, традиций и родной почвы, не остается желания творить...» (цит. по: Рахманинов С.С. Литературное наследие: в 3 т. М., 1978. Т. 1: Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. С. 131).

²³ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 759.

²⁴ Там же. С. 748.

²⁵ Голованов Н.С. Этюды о Прокофьеве / публ. О. Захаровой // Сергей Прокофьев: К 50-летию со дня смерти: Воспоминания, статьи, письма / ред.-сост. М.П. Рахманова; науч. ред. М.В. Есипова. М., 2004. С. 368.

²⁶ Мендельсон-Прокофьева М.А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве // С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания / ред.-сост. С.И. Шлифштейн. М., 1956. С. 230.

многократно включал в свой репертуар сочинения Сергея Васильевича (примеров обратного, Рахманинова, исполняющего Прокофьева, найти не удалось). Восхищение мощным пианистическим дарованием Сергея Васильевича находит отражение в дневниковых записях Прокофьева: «...играет прямо-таки изумительно». Да и в сочинениях композиторов многие музыкальные критики усматривали моменты «странной», на их взгляд, «общности — в пафосе, звуковой мощи, ритмической повелительности»²⁷. Влияние Рахманинова-композитора отметит и сам Прокофьев много позже в автобиографии «Юные годы»: «“Сны” и “Осеннее” — сочинения “задумчивого порядка”. <...> Мрачность шла от некоторых рахманиновских настроений, главным образом, от “Острова мертвых” и 2-й симфонии»²⁸.

Америка приняла и полюбила Рахманинова, стала для него своей, хоть и не заменила Россию. А Прокофьев в Новом Свете не нашел того, что искал (простора для поиска и эксперимента, финансовой стабильности) и вернулся в Европу, воспринимая ее как центр «чистой», академической музыки и музыкального новаторства во многих областях искусства, свободного от американского «чистогана» (так ему, по крайней мере, казалось тогда). «Любопытно, — констатирует Прокофьев ситуацию с Америкой, — что бешеный успех вместо меня сделал Рахманинов, так мрачно и равнодушно приехавший из своего Копенгагена»²⁹. <...> И теперь битком набитые концерты и десятки тысяч долларов. Я радуюсь за него и за русскую музыку...»³⁰ Приписываемое Прокофьеву, так часто упоминаемое и известное по книге Нины Берберовой «Курсив мой» высказывание «Мне нечего делать в Америке, пока там Рахманинов...»³¹ — своеобразная мифологема, связанная с желанием третьих лиц на все наклеивать ярлыки. На деле Рахманинов и Прокофьев не являлись соперниками в покорении американской публики. Напротив, Рахманинов поддерживал молодого коллегу. Например, одобрил сюжет оперы «Любовь к трем апельсинам», расценив получение заказа на нее как большой успех Прокофьева в Америке; интересовался сценической судьбой этого сочинения³². И у Рахманинова, и у Прокофьева на музыкальном поприще были свои ниши, свои задачи, в том числе коммерческие. А мир Европы и Нового Света принял и того и другого. Тем паче, карьера

²⁷ А.Н. Римский-Корсаков в письме к Б.В. Асафьеву 14 декабря 1916 г. писал о том, что находит в этюдах-картинах Рахманинова моментами странную связь с Прокофьевым; см.: Деклерк Ю. Долгая дорога в «родные края» // Сергей Прокофьев: Письма, воспоминания, статьи. М., 2001. С. 41. Исследователи находят сходство темы 1-го концерта Прокофьева с финалом Духовного концерта а capella, ор. 31 «Литургия Иоанна Златоуста» (1910) Рахманинова. Музыкальные переключки с Прокофьевым есть в рахманиновских Прелюдии ми мажор и в Этюде-картине ми-бемоль мажор, см: Брянцева В.Н. С.В. Рахманинов. М., 1976. С. 41, 174, 423.

²⁸ С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. С. 23. «Сны», ор. 6 — симфоническая картина для большого оркестра (1910); «Осеннее», ор. 8 — симфонический эскиз для малого оркестра (1910; новая ред. 1934). Прокофьев также отметил, что «Осеннее» написано в одной тональности с «Островом мертвых» и Симфонией № 2 Рахманинова.

²⁹ С.В. Рахманинов с семьей прибыл в США на норвежском судне, вышедшем из Осло 1 ноября 1918 г.

³⁰ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 759.

³¹ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 2010. С. 442.

³² См.: Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 757. Запись от 23 декабря 1918 г.

Прокофьев в Америке сложилась достаточно успешно. В канун 1922 г. Прокофьев, подводя определенные итоги, оценил прошедший год так: «Хороший год. Начался весело в Калифорнии. Затем контракт с Мэри Гарден³³, постановка “Шута”, чудесное лето в St. Brevin и постановка “Апельсинов”. Чего уж лучше. Феноменальный год»³⁴. А после успешных гастролей по США в 1926 г. Прокофьев напишет: «Меня еще Нью-Йорк покусывает, но Америка быстро мне сдаётся. Тем хуже для кусачей»³⁵. То, что Америка «сдалась» Прокофьеву окончательно и бесповоротно, станет ясно позже, в 1945 г. — когда портрет Прокофьева будет помещен на обложке еженедельника «Тайм», что для американцев традиционно считается пиком карьеры того или иного деятеля. Парадоксально, но портрет Рахманинова по разным обстоятельствам так и не появился в «Тайм», но об этом ниже.

Период с 1918 по 1921 г. (с 1921 г. Прокофьев все больше времени проводит в Европе, а в 1922 г. переезжает туда на постоянное место жительства) наиболее наполненный во взаимоотношениях Прокофьева и Рахманинова. Их сочинения нередко стоят в программах концертов рядом; достаточно часты, хотя и нерегулярны личные встречи и контакты в Нью-Йорке. 10 декабря 1918 г. на концерте в Карнеги-холле присутствовали оба композитора. Исполнялись сочинения Прокофьева и Симфония № 2, опус 27 Рахманинова. Кстати, именно на этом концерте юная Каролина Кодина³⁶ (будущая жена Прокофьева Лина Ивановна) впервые увидела Сергея Сергеевича и была очарована им³⁷. А сам Прокофьев о концерте сделал следующую запись: «Первым номером — симфония e-moll Рахманинова, которую я прослушал с большим наслаждением. После симфонии автора, хоть он и прятался за спину жены, нашли и сделали ему овацию, заставив его встать и раскланяться»³⁸. В воспоминаниях Лины Ивановны Прокофьевой³⁹ имя Рахманинова появляется не однажды. Так, в 1920 г. Сергей Сергеевич пригласил ее на концерт Сергея Васильевича. После концерта Лина и Прокофьев зашли в артистическую к Рахманинову, который встретил их приветливой улыбкой. Лина Ивановна позднее вспоминала: «Ему было уже сорок пять, и он, конечно, обладал куда большей проницательностью, чем я. Потом подошла его младшая дочь, тогда еще маленькая, и спросила его громким ше-

³³ Гарден Мэри (Garden; 1874–1967) — певица, импресарио, в 1921–1922 гг. директор Чикагской оперы.

³⁴ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 129. Запись от 31 декабря 1921 г.

³⁵ Там же. Ч. 2. С. 449.

³⁶ Кодина-Прокофьева Лина (Каролина) Ивановна (сценич. псевд. Лина Льюбера; 1897–1989) — первая жена композитора; познакомилась с Прокофьевым в 1918 г. в Нью-Йорке. Принцесса Linett, Пташка — так называл ее Прокофьев. В октябре 1923 г. в Германии, в Этгале был зарегистрирован брак Каролины Кодина и Сергея Прокофьева. Вместе они прожили до марта 1941 г.

³⁷ См.: Чемберджи В. XX век Лины Прокофьевой. М., 2008. С. 12.

³⁸ Там же. С. 12.

³⁹ Воспоминания первой жены С.С. Прокофьева представляют собой магнитофонные записи, наговоренные Линой Ивановной, разрозненные литературные рукописи. Все это хранится в семейном архиве Прокофьевых за рубежом. Вышеупомянутая книга В. Чемберджи представляет литературный пересказ этих материалов и компиляцию литературы о Прокофьеве, посему издание не может претендовать на научную точность или объективный, взвешенный взгляд на биографию композитора.

потом, чтобы я услышала: «Они собираются пожениться?»⁴⁰ С семьей Кодина (родителями Лины) Рахманинов познакомился задолго до эмиграции, во время первых гастролей по США в 1909 г. Он сказал тогда о маленькой Каролине: «Как-кая хорошо воспитанная девочка». Когда эта девочка подросла, то именно через Рахманинова (вернее, через его секретаря) ей подыскивали работу (должность в одном из русских фондов).

Итак, подытоживая анализ взаимоотношений Прокофьева и Рахманинова в этот период, назовем его временем «открытия ими Америки и открытия их Америкой»; легко заметить, что Прокофьев слегка рефлексировал по поводу общения с успешным и маститым Рахманиновым. То ему кажется, что Сергей Васильевич недостаточно любезен, то не совсем так поздоровался или не уделил должного внимания: «23 февраля 1919: Днем Концерт Рахманинова, наконец, с русской программой, и даже модерной: Рахманинов, Скрябин, Метнер. Сыграно превосходно. Когда я зашел в артистическую, где была куча народа, то Рахманинов меня принял очень странно: протянул большую, мягкую и любезную руку, но не прекратил разговора с каким-то джентльменом»⁴¹. Думается, такая несвойственная Прокофьеву трепетность проявлялась невольно, на подсознательном уровне в связи с определенным дефицитом человеческого участия и тепла. Ведь, в сущности, Прокофьев в Америке так одинок! Прокофьева тянет к Рахманинову как к сильной и цельной личности. Загадка этой личности живо интересует Прокофьева. «Что же Вы не написали, какое на Вас впечатление произвел Рахманинов с точки зрения музыкальной и человеческой. Можно подумать, что за “роскошной виллой” Вы не видели самого человека»⁴², — пишет Сергей Сергеевич из Этгалья Петру Сувчинскому, который, очевидно, встречался с Рахманиновым в Штатах.

Прокофьеву импонирует в Рахманинове многое: и чуть высокомерное отношение к американской публике, и спокойная, властная манера общения, и даже то, что порой упускается из виду исследователями Рахманинова — чувство юмора! Примеры? Дарственная надпись на собственной фотографии, подаренной любимой дочери: «Ирине свинине»⁴³. Или: «Личные качества предпочитаю механическим» — критерий при найме нового шофера в 1933 г.⁴⁴ Не случайно Прокофьев записывает шутки и остроумные реплики Рахманинова в своем дневнике: «Стар я стал и шаловлив»⁴⁵ (так Рахманинов мотивирует свой отказ от предложений выступить с концертами); «И рожа-то у него такая умная» (про представленного ему В.Н. Башкирова — брата поэта Б.Н. Башкирова-Верина).

⁴⁰ *Чемберджи В.* XX век Лины Прокофьевой. С. 21. Имеется в виду младшая дочь композитора Татьяна, которой в ту пору было тринадцать лет.

⁴¹ *Прокофьев С.С.* Дневник. Ч. 1: 1907–1918. С. 22–23.

⁴² С.С. Прокофьев — П.П. Сувчинскому. 6 сентября 1922 // Петр Сувчинский и его время. М., 1999. С. 76.

⁴³ Фотография Рахманинова с такой дарственной надписью, сделанной 10 августа 1921 г., находится в фонде Рахманинова: ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 18. Ед. хр. 2130.

⁴⁴ *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. Т. 2. С. 350.

⁴⁵ Рахманинов цитирует пушкинские строки (слова из партии Мельника в опере Даргомыжского «Русалка»): «Да, стар я стал и шаловлив, за мной смотреть не худо».

Характерно, что элемент «детскости»⁴⁶, в целом присущий характеру Прокофьева, в отношении к Рахманинову проявился неосознанным чувством — сходным с привязанностью к отцу или «синдромом младшего брата»: когда хочется быть понятым, получить одобрение и тем самым самоутвердиться. Со временем под влиянием взросления и возмужания Прокофьева эти чувства трансформируются в критическое, не всегда справедливое отношение к Сергею Васильевичу. Прокофьев растет как художник, как личность, в том числе и в собственных глазах. Поворотным пунктом во взаимоотношениях Прокофьева и Рахманинова становится успешная премьера «Скифской сюиты» Прокофьева в Париже 30 апреля 1921 г. Сам Сергей Сергеевич считает, что успех этого сочинения затмил исполнение в тот же день рахманиновского «Острова мертвых». Наступает время осмысления Прокофьевым творческой позиции Рахманинова. По мнению Прокофьева, Сергей Васильевич недостаточно сочиняет, потекает вкусам среднего уровня американской публики, и тем самым ради коммерческого успеха пренебрегает своим музыкальным даром. Мировой успех Рахманинова-исполнителя у широкой публики на взгляд Прокофьева, привел к некоторому засилью Рахманинова-композитора. «Слава Богу, что не душите Рахманиновым!» — пишет Прокофьев, поздравляя Держановского с выходом журнала «К новым берегам»⁴⁷.

Решительный отказ Сергея Васильевича помочь с концертами Нине Кошиц, прибывшей в Америку 26 октября 1919 г., усугубляет скептическое настроение Прокофьева по поводу Рахманинова и приводит к отчуждению. А вот взаимно ли оно? Умудренный жизненным опытом Рахманинов несуетен в общении. Прокофьев ему явно симпатичен, но в свое сердце он его не допускал и не допускает. По словам Прокофьева, Рахманинов к нему «очень мил, дружелюбен»⁴⁸. Таково достаточно ровное и стабильное отношение Рахманинова к Прокофьеву. И это несмотря на то, что молодой музыкант слишком задирист, боек на язык, несдержан в оценках. Одно выражение Прокофьева «Метнер и Рахманинов — туземные купидоны» чего стоит!⁴⁹ Передаваемые из уст в уста (ведь русский эмигрантский круг достаточно узок) хлесткие фразы зачастую рождают светские сплетни и пересуды. Несомненно, что до Рахманинова многое доходило, но как Сергей Васильевич реагировал на выпады такого рода — неизвестно. «Он был очень скрытен относительно всего, что касалось его музыки и относительно себя», — вспоминала Софья Александровна Сатина⁵⁰. Принципиальная позиция Рахманинова — не

⁴⁶ Кстати, современники отмечали «детскость» и в личности Сергея Васильевича: «У Рахманинова, как у многих больших людей, были черты детскости. Он любил всякие вещицы: какой-нибудь необыкновенный карандаш, машинку для скрепления бумаги <...> радовался пылесосу» (цит. по: *Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М., 2009. С. 339). Прокофьева также приводили в восторг различные технические «игрушки».

⁴⁷ С.С. Прокофьев — В.В. Держановскому. 29 августа 1923. Цит. по: *Деклерк Ю.* Долгая дорога в «родные края». С. 106.

⁴⁸ *Прокофьев С.С.* Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 125.

⁴⁹ С.С. Прокофьев — П.П. Сувчинскому. 10 декабря 1923 // *Петр Сувчинский и его время.* С. 99. Этот же эпитет — «туземные купидоны» — встречается и в письмах Сергея Прокофьева Владимиру Дукельскому.

⁵⁰ *Сатина С.А.* Записка о Рахманинове // *Воспоминания о Рахманинове: в 2 т. / сост., ред., примеч. и предисл. З. Апетян.* 5-е изд., доп. М., 1988. Т. 1. С. 115.

участвовать в интригах и группировках, в том числе и музыкальных. Ложь и лицемерие были абсолютно неприемлемы для Рахманинова. «Обмана он не прощал никогда, — продолжает С.А. Сатина, — и помнил его долгие годы. Доступ к нему человеку, обманувшего его, был закрыт навсегда»⁵¹. У Рахманинова была особенная способность чувствовать малейшую ложь⁵². Но во взаимоотношениях двух Сергеев никогда не было лжи и обмана. Рахманинов был всегда доступен для Прокофьева! И все же музыка Сергея Сергеевича далека от Сергея Васильевича. К числу заблуждений Рахманинова относительно Прокофьева можно отнести мнение, что только эпатаж и стремление к оригинальности интересны в его музыке. Прослушав в исполнении пианиста Боровского⁵³ сочинения современных, «новых» композиторов, в том числе и Прокофьева, Рахманинов заметит: «Прокофьев талантлив пока нахал, а когда хочет быть серьезным, то не лучше остальных»⁵⁴. «Лучше! Много лучше!» — так и хочется воскликнуть сегодня. То, что трактуется Рахманиновым как «нахальство», большей частью является напористостью, самоутверждением, реализацией здоровых творческих амбиций Прокофьева. Рахманинову, по воспитанию и душевным качествам человеку XIX в. — «века невинности», многое в поведении Прокофьева кажется нарочито эпатажным, хотя порой вины Сергея Сергеевича в этом нет. «Слыхали ли Вы квартет Прокофьева? — пишет Рахманинов Кусевицкому. — Сегодня прочел в “Последних новостях” не более не менее, что со времени Бетховена так красиво и умно для квартета не писали»⁵⁵. Кусевицкий в ответ на ворчание Сергея Васильевича отвечает резонно и не без юмора: «Я тоже читал заметку о Прокофьеве и на редкость веселился. Думаю, что Прокофьеву самому было “конфузно” ее читать (а впрочем, кто знает, молодежь так влюблена в себя, что даже быть наряду с Бетховеном им кажется оскорбительным?)»⁵⁶. В то же время Рахманинова подкупают прокофьевские оптимизм, оригинальность личности, «солярность» мироощущения. В общении с Прокофьевым Рахманинов радуется тому, что не утратил с годами испытаний способности воспринимать новое, и не только в музыке. «Я <...> изменился. Не сильно, но все же ко многому, от чего отворачивался, повертался, и наоборот», — писал он Э.К. Метнеру в 1932 г.⁵⁷ Роднит Рахманинова с Прокофьевым и то, что оба не делят музыкальное искусство на передовое и отсталое. Главный критерий — талантливое и неталантливое. «Schlecht und modern» («Плохое и новое») — изречение, приписываемое Гете, запомнилось Рахманинову в связи с размышлениями по поводу книги Э.К. Метнера «Музыка и

⁵¹ Там же. С. 115.

⁵² Слова Дагмары Рибнер, которая недолгое время, сразу по прибытии Рахманинова с семьей в США, выполняла обязанности его секретаря. См.: *Рибнер (Барклай) Д.* О Сергее Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. Т. 2. С. 183.

⁵³ Боровский Александр Кириллович (1899–1968) — пианист, близкий друг С.С. Прокофьева.

⁵⁴ *Прокофьев С.С.* Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 301. Запись от 25 января 1925 г.

⁵⁵ С.С. Рахманинов — С.А. Кусевицкому. 8 декабря 1931 // *Рахманинов С.В.* Литературное наследие: в 3 т. М., 1980. Т. 2. С. 320.

⁵⁶ С.А. Кусевицкий — С.В. Рахманинову. 16 декабря 1931 // Там же. С. 535.

⁵⁷ С.В. Рахманинов — Э.К. Метнеру. 23 января 1932 // *Рахманинов С.В.* Литературное наследие. Т. 2. С. 332. (Оригинал в ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 132. Ед. хр. 2518.)

модернизм»⁵⁸. Для Прокофьева рахманиновский талант неоспорим, а эстетические разногласия, такие как вменяемое Рахманинову критикой «ложноакадемическое ретроградство»⁵⁹ и совпадение с «арифметически средним вкусовым критерием широкой публики»⁶⁰ в выборе репертуара, не кажутся препятствием в общении. «Днем концерт Рахманинова со второстепенной программой»⁶¹, но играл прямо-таки изумительно. Заходил к нему. Рахманинов будто помолодел, повеселел, шутил, удерживал около себя. Надо бы ему послать “Бабушкины сказки”, может, он разберется в них и будет относиться к моим сочинениям более прилично, чем до сих пор», — запишет Прокофьев 20 ноября 1921 г.⁶² Не сохранился ли в нотной библиотеке Рахманинова экземпляр «Бабушкиных сказок»?

Начало 1920-х гг. для Прокофьева проходит под знаком переустройства привычного уклада. Женитьба на Лине Кодина, рождение сына Святослава требуют иного образа жизни. С богемными привычками холостяка, самого элегантного и модно одетого⁶³, по мнению чикагской прессы, покончено. С 1922 г. Прокофьев поселяется в Эттале (Германия). Однако с середины 1920-х гг. и Прокофьев, и Рахманинов часто бывают в Париже. Встречаются изредка, случайно: в Русском музыкальном издательстве Н.К. и С.А. Кусевицких, на концертах. Но не только обстоятельства частной жизни разъединяют музыкантов. В этот период жизни каждый из них делает свой гражданский выбор и, по сути, решает свою дальнейшую судьбу. В 1925 г. у творческой интеллигенции за рубежом возникла реальная возможность наладить связи с советской Россией. По указанию руководства ВКП(б) был предпринят ряд попыток, и, надо признаться, вполне успешных, новой власти привлечь к сотрудничеству и склонить к последующему возвращению в СССР эмигрантов — наиболее ярких фигур в мире искусства. Представитель Госконцерта Борис Красин⁶⁴ встречается в Париже с Метнером, Прокофьевым, пытается повидаться и с Рахманиновым. Однако Сергей Васильевич от встречи уклоняется. Если Прокофьев рассматривает предложения о гастролях в СССР и считает какой-либо, большей частью коммерческий, контакт с

⁵⁸ Проверить, принадлежит ли это высказывание Гете, Рахманинов просил Э.К. Метнера в уже цитированном письме от 23 января 1932 г. (см. сноску 57). Метнеру не удалось установить авторство Гете (ответное письмо от 12 февраля 1932 г. хранится в Библиотеке Конгресса США). См.: *Рахманинов С.В. Литературное наследие*. Т. 2. С. 332, 537.

⁵⁹ Цитируются слова из статьи: *Лурье А.* О Рахманинове (1928) // Вишневецкий И.Г. Евразийское уклонение в музыке 1920–1930-х годов. М., 2005. С. 247. Лурье Артур (наст. имя и фам. Лурья Наум Израилевич; 1891–1966) — композитор, общественный деятель, эмигрировал из России в 1921 г.

⁶⁰ Так писал В. Каратыгин в газете «Речь» в 1913 г. (№ 324). Цит. по: В.Г. Каратыгин: Жизнь. Деятельность. Статьи и материалы. Л., 1927. С. 207.

⁶¹ Концерт состоялся в Чикаго 20 ноября 1921 г. Имея представление об эстетической платформе Прокофьева, оценивающего музыку по гамбургскому счету, можно лишь предположить, что он подразумевал под «второстепенной программой». К ней Прокофьев мог причислить следующие сочинения из репертуара Рахманинова сезона 1921/22 г.: Вебер — Таузиг — «Приглашение к танцу»; Крейслер — Рахманинов — «Муки любви»; Бизе — Рахманинов — Менуэт; Донаньи — Этюд-каприччио, ор. 28. См.: *Рахманинов С.В. Литературное наследие* Т. 3. С. 450.

⁶² *Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 1: 1907–1918. С. 175.

⁶³ См.: *Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 2: 1919–1933. С. 179.

⁶⁴ *Красин Борис Борисович* (1884–1936) — музыкальный критик, в 1920-х гг. (до 1926 г.) директор Софила (позже — Государственной Московской филармонии), брат известного революционера и государственного деятеля Леонида Красина.

новой властью возможным для себя (особенно после того, когда к переговорам подключился Б.Л. Яворский⁶⁵), то Рахманинов категоричен: «Я знаю, они меня будут звать в Россию, но я дал зарок, что не поеду, поэтому нам не о чем разговаривать»⁶⁶.

Позже П.П. Сувчинский будет изумляться тому, что «типичный белоэмигрант» Рахманинов «непонятно почему канонизирован большевиками»⁶⁷. Прокофьеву же предстоит быть «соблазненным» СССР, получив от возвращения на родину сполна и славы, и горечи. Однако до момента принятия Прокофьевым решения о возвращении в Россию еще далеко, а пока Сергей Сергеевич и Сергей Васильевич продолжают историю своего знакомства в основном в декорациях музыкальной Европы конца 1920-х гг.

Во время гастролей четы Прокофьевых по США, 5 февраля 1926 г. произошла встреча с Рахманиновым на традиционном парадном завтраке у Стейнвея. «Пташка разговорилась с Рахманиновым о его внучке⁶⁸, он был рад побеседовать с нею», — запишет в дневнике Прокофьев⁶⁹.

11 июня 1928 г. встреча в Русском музыкальном издательстве С.А. и Н.К. Кузнецких (РМИ) в Париже:

«Рахманинов ласково:

— А вот и Сергей Сергеич.

Просит объяснить, кто такой Набоков...»⁷⁰

«2 декабря. Париж.

Вечером концерт Рахманинова, первый в Париже за всю его жизнь. Париж не жалуется рахманиновскую музыку⁷¹, и Рахманинов объезжал его до сих пор. Сегодня блестящий съезд, толпы нарядного народа. <...>

⁶⁵ Авторитет Б.Л. Яворского сыграл не последнюю роль в принятии Прокофьевым положительного решения о сотрудничестве с советской Россией.

⁶⁶ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 346. Запись от 27 июля 1925.

⁶⁷ Петр Сувчинский и его время. С. 349.

⁶⁸ Волконская Софья Григорьевна (в замуж. Венемекер; 1925–1968) — внучка С.В. Рахманинова, дочь И.С. Рахманиновой-Волконской.

⁶⁹ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 376.

⁷⁰ Там же. С. 633. Набоков Николай Дмитриевич (1903–1978) — композитор-эмигрант, тесно общался с Прокофьевым в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Прокофьев охарактеризовал Набокова довольно загадочно: Набоков — это «цветок между двумя безднами» (Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 633). В этой шутиливой характеристике Прокофьев перефразирует известное среди музыкантов высказывание Ференца Листа о второй части Сонаты № 14 («Лунной») Бетховена.

⁷¹ Действительно, в Париже с сольным концертом С.В. Рахманинов впервые выступил 2 декабря 1928 г., почти четверть века после начала исполнительской карьеры. После этого концерта Рахманинов ежегодно выступал в Париже, чаще всего в конце концертного сезона (с марта по май). С 1928 по 1939 г. Рахманинов дал десять концертов в Париже с неизменным успехом. Последний концерт состоялся 25 апреля 1939 г., незадолго до окончательного отъезда в США (см.: Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 439–464. Слова Прокофьева о том, что Париж не жалуется музыку Рахманинова, явное преувеличение. Должно быть, Сергей Сергеевич имел в виду, что музыкальная эстетика Парижа как мировой столицы современных направлений в искусстве не слишком сочетается с рахманиновской музыкой. Беспощадный в самокритике Рахманинов объяснял свои взаимоотношения с парижской публикой по-другому: «Вообще, если только мою концертную деятельность можно назвать “блестящей”, то концерты в Париже являются мутным пятном на ней» (С.С. Рахманинов — Е.К. и Е.И. Сомовым. 11 марта 1936. Цит. по: Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 2. С. 71–72).

В зале Дягилев, Глазунов. К последнему подхожу с несколькими любезными словами. Жаль, что в программе⁷² нет Бетховена — это лучшее, что удастся Рахманинову. Баха он играет хорошо, Шопена неровно: технику ошеломляюще, но лирику вычурно и со вбиванием гвоздей. Себя — плохо: убивает собственную поэзию, которую на старости лет забыл, заменив виртуозностью. Несмотря на все — впечатление сильное: уж больно интересная фигура. Совершенно невероятно он выходит на эстраду: какой-то косою неверной походкой, так что не веришь, что он дойдет до рояля. Зато, тем большее впечатление, когда он заиграет. Публика ревели от восторга. Когда концерт окончился, я в толпе на лестнице слегка поскользнулся. Впереди как раз спустились дочери Рахманинова. Я сказал вполголоса: “Что это я хожу как Рахманинов...”⁷³

21 мая 1929 г. Рахманинов и Прокофьев встречаются в Париже на премьере балета «Блудный сын». Эта встреча является значительным событием в отношениях Прокофьева и Рахманинова. Как и много лет назад на концерте в Москве, Прокофьеву очень важна реакция Сергея Васильевича на происходящее. Рахманинов с Дягилевым в первом ряду. Прокофьев за дирижерским пультом. Позже на лестнице он подошел к Рахманинову, «взял за руку и спросил, как ему это понравилось. Сергей Васильевич ответил ласково: “Очень многое, особенно начало второй картины и самый конец”»⁷⁴. Через два-три дня Прокофьеву рассказали в издательстве Кузевецкого, что заходил Рахманинов и купил экземпляр клавира «Блудного сына». Еще один вопрос к исследователям: сохранился ли этот рахманиновский экземпляр клавира?⁷⁵

В конце 1929 г., в канун Рождества Прокофьев с семьей отправляется на гастроли в Америку. Лайнер «Беренгария» тут же прозвали «Музыкальной шкатулкой» («boîte a musique»⁷⁶, по словам Прокофьева), так как на борту судна оказались одновременно Прокофьев, Рахманинов, Эльман⁷⁷. Лина Ивановна вспоминала, что «в отличие от Прокофьева не боялась качки и на зависть ему прогуливалась по палубе с Рахманиновым (по ее выражению) давним другом»⁷⁸. Во время плавания Рахманинов ежедневно приглашал Прокофьевых в каюту, вместе раскладывали пасьянсы⁷⁹.

⁷² Программа концерта 2 декабря 1928 г.: Бах — Бузони — Органные прелюдии № 3 g-moll и № 4 G-dur; Лист — «По прочтении Данте»; Шопен — Фантазия f-moll op. 49; Рондо Es-dur op. 16; Ноктюрн F-dur op. 15; Вальс Des-dur op. 70; Этюд E-dur op. 10; c-moll № 12 op. 704 Рахманинов — Прелюдии из опусов 3, 32, 23.

⁷³ Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 653.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Экземпляр этого издания с пометами С.С. Прокофьева есть в фондах музея: ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1619.

⁷⁶ Игра слов: по-французски boîte — коробок, ящик; созвучно с boteau — бот, судно.

⁷⁷ Эльман Миша (Михаил Саулович) (1891–1967) — русско-американский скрипач, занимался у Л. Ауэра, соученик Прокофьева по Петербургской консерватории, один из блестящих вундеркиндов; поступил в консерваторию в 6 лет, начал концертную деятельность с 13 лет.

⁷⁸ Чемберджи В. XX век Лины Прокофьевой. С. 32.

⁷⁹ В жизни Прокофьева пасьянсы играли немалую роль. Д.Р. Рогаль-Левицкий в своих мемуарах приводит слова Прокофьева: «...я весь свой досуг трачу на пасьянсы <...>. Я очень люблю трудные пасьянсы. Легкими я не увлекаюсь» (цит по: Рогаль-Левицкий Д.Р. «Мимолетные связи»:

По словам Лины Ивановны, Рахманинов очень интересовался поездкой Прокофьева в Россию⁸⁰, буквально засыпал его вопросами. К записям Сергея Сергеевича эти строки добавляют немаловажные штрихи — «очень интересовался» гастролями в СССР⁸¹. Сам Прокофьев в своем дневнике уделил не слишком много места общению с Сергеем Васильевичем. Язвительный тон и содержание записи говорят о каком-то «наткнутии» (словечко Прокофьева) в их отношениях. То, что путешествие через Атлантику до эры перелетов было определенным светским мероприятием, хорошо известно. Обеды и ужины в вечерних туалетах и смокингах, прогулки по палубе, участие в увеселениях на борту океанского лайнера — именно об этом вспоминает жена Лина Ивановна и сам Прокофьев. Но что-то было еще, недосказанное, недописанное. Это кануло в небытие, как и рахманиновский карточный пасьянс, который через годы в эвакуации будет раскладывать Прокофьев. На борту «Беренгарии» 28 декабря 1929 г. Прокофьев написал письмо Мясковскому. О Рахманинове всего несколько слов в постскриптуме: «Корабль везет еще Рахманинова. По вечерам раскладываем с ним пасьянсы. Какая идиллия!»⁸²

К началу 1930-х гг. «антирахманиновские» настроения Прокофьева, видимо, усилились. Их смысл можно попытаться понять из письма Прокофьева Мясковскому от 18 марта 1932 г.: «В Париже дали клавирабенды Рахманинов⁸³ и Метнер. Первый — с большой публикой и большим “траляля”, второй — скромно. Сыграл Рахманинов пять баллад — Грига, Листа, Шопена и две Брамса; играл с чрезвычайным блеском, но сухо, тогда, казалось бы, с чего ударяться в романтическую программу. Была и собственная новинка — вариации на тему Корелли, скорее казенные, хорошо, но неизобретательно сделанные — словом, учебное пособие. Лишь в конце, после технической коды а grand spectacle (большой спектакль), когда уже все закончено, вдруг появляется лирическая пристройка, нечто вроде второй коды — реминисценция добрых старых рахманиновских побочных партий. Будто в его иссохшем мозгу тускло мелькнуло, что он тоже когда-то был талантливым мелодистом»⁸⁴. Резкость высказываний по отношению к Сергею Васильевичу известна не только по переписке и дневникам, но и по

(К 70-летию со дня рождения Сергея Прокофьева) / публ. О.Г. Дигонской // Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи. М., 2001. С. 189–190. По воспоминаниям М.А. Мендельсон-Прокофьевой, у Прокофьева было «несколько любимых пасьянсов: “картинная галерея”, “математический”, “рахманиновский”, который ему показал Рахманинов на пароходе» (цит. по: Мендельсон-Прокофьева М.А. Воспоминания [Черновик] // ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1124. Л. 15 об).

⁸⁰ Имеется в виду поездка Прокофьева в СССР в 1929 г. См.: *Чемберджи В. XX век Лины Прокофьевой*. С. 32.

⁸¹ Там же.

⁸² РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 2. Ед. хр. 219. Л. 32–33 об. Опубликовано в: С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. М., 1977. С. 325.

⁸³ Концерт состоялся 16 марта 1932 г. В программе: Григ — Баллада g moll; Брамс — Баллады: d-moll и D-dur; Лист — Баллада h-moll; Шопен — Баллада As-dur; Рахманинов — Вариации на тему Корелли. См.: Концертные сезоны С.В. Рахманинова (1909–1943) // Рахманинов С.В. Литературное наследие. Т. 3. С. 457.

⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 2. Ед. хр. 221. Л. 4. Письмо опубл.: С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. С. 439.

выступлениям⁸⁵ Прокофьева, в том числе на страницах советских газет⁸⁶. Определение «иссыхание» относительно рахманиновского творчества не раз встречается у Прокофьева. После проигрывания 4-го концерта Рахманинова он пишет, что Рахманинов, Метнер, Глазунов творчески «усохли на пятом десятке»⁸⁷. Но сам, как видим, внимательно следит за творчеством Сергея Васильевича! Именно Прокофьев привез в советскую Россию партитуру Третьей симфонии Рахманинова, искал по нотным магазинам Берлина его же «Рапсодию на темы Паганини» (для Мясковского) и риземановские «Воспоминания»⁸⁸. Обращаясь к музыке Сергея Васильевича, Прокофьев именно в ней видит ориентиры в поисках перспектив собственного творчества, ошибок и удач на этом пути. Так, нетерпимость к присутствию в творчестве Рахманинова, по мнению Прокофьева, элементов так называемого легкого жанра находит отражение в строках письма Владимиру Дукельскому. Его Прокофьев считает не только своим другом, но и учеником. Предостерегая младшего коллегу-композитора от увлечения популярной музыкой в ущерб серьезной, Прокофьев пишет: «Вы ужасно боитесь, чтобы не промелькнула опереточность, ставшая (Вы того не замечаете) Вашей плотью и кровью. Такой прецедент был уже в русской музыке, и, как ни странно, это в лице Рахманинова. Ведь он тоже был втрое талантливее многих, и хотя до канканов не опустился, но все же распоясался на слишком разливаемые романсы. Когда же со стороны музыкантов поднялся галдеж, он попытался сделать серьезное лицо, но стал городить такую сушь, что быстро в этой области сошел со сцены — и так остался композитором “романсов для широкой публики”»⁸⁹. Абсурдность такого определения Рахманинова-композитора была очевидна тогда, очевидна и сегодня. Кроме упоминавшихся «Вариаций на темы Корелли» (1931) Рахманинов после прокофьевского «диагноза» 1932 г. — «творческое иссыхание» — еще подарит миру «Рапсодию на темы Паганини» (1934), Симфонию № 3 (1935) и гениальные «Симфонические танцы» (1940). К слову сказать, холодное остроумие, хлесткость формулировок, детская задиристость и нетерпимость Прокофьева по отношению к Рахманинову со временем становились все более и более несущест-

⁸⁵ 3 мая 1933 г. в Москве во время творческой встречи с театральными работниками Прокофьев вызвал смех аудитории, заметив, что в Америке Рахманинов «мрачно делает большие деньги» (*Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 828*).

⁸⁶ Так, в беседе с корреспондентом газеты «Вечерняя Москва», опубликованной 6 декабря 1932 г. под названием «Какой сюжет я ищу», на вопрос «Что делают русские композиторы на Западе?» Прокофьев кратко сообщает: «Сергей Рахманинов <...> играет свои старые произведения. Нового почти ничего не создал. Если пишет что-то, то в большинстве случаев это обработка чужого материала. Например, Вариации на тему Корелли» (цит. по: С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. С. 86–87).

⁸⁷ *Прокофьев С.С. Дневник. Ч. 2: 1919–1933. С. 669.*

⁸⁸ В 1934 г. Прокофьев, видимо исполняя просьбы Мясковского, сообщал в письме, что «не “Фантазия”, а “Рапсодия” еще не вышла, а книга Риземана была в продаже только на немецком языке». (Вероятно, Прокофьев искал англоязычный вариант «Воспоминаний».) См.: РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 2. Ед. хр. 222. Л. 7 об. Письмо опубликовано: С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. С. 439.

⁸⁹ С.С. Прокофьев — В. Дукельскому. 9 ноября 1930 // Сергей и Лина Прокофьевы и Владимир Дукельский. Переписка. 1924–1946 / публ. И. Вишневецкого // Сергей Прокофьев. Письма. Воспоминания. Статьи. С. 27.

ственными. Сергей Сергеевич переживет Сергея Васильевича на 10 лет и скончается тоже в марте, не дожив до возраста Рахманинова семь лет. Прокофьеву предстоит, изведав все прелести советской «музыкальной казармы», стать «совсем другим Прокофьевым»⁹⁰, выслушать (и не в узком кругу коллег, а через идеологический рупор mass-media) упреки в упрощенчестве (от друзей) и в грехах буржуазного формализма (от врагов) и, так же как Рахманинову, обессмертить свое имя в истории мировой культуры.

Далее пути Рахманинова и Прокофьева расходятся окончательно. Трудно сказать, когда они виделись в последний раз: потребуется кропотливая работа по сопоставлению хронографов Прокофьева и Рахманинова. Последнее документальное свидетельство их контактов — фотография на палубе трансатлантического лайнера: чета Рахманиновых и Прокофьев. Это любительский, судя по качеству, снимок, возможно, был сделан Линой Ивановной Прокофьевой и подарен Прокофьевыми Мясковскому. Фотография находится в РГАЛИ в фотоальбоме Николая Яковлевича. Под фотографией (его рукой?) проставлены название судна «Нормандия» и год — «1936»⁹¹. Предстоит выяснить, когда именно состоялся совместный вояж Прокофьева и Рахманинова. Зимой 1937 г. у Прокофьева состоялись гастроли в США. В начале декабря 1936 г. он еще находился в Париже, за которым последовала Америка. Вернуться в СССР предполагалось не ранее марта 1937 г. Возможно, встреча на «Нормандии» состоялась в декабре 1936 г.? Однако Рахманинов в 1936 г. начал свой концертный сезон в октябре в Лондоне и уже в начале ноября прибыл в Нью-Йорк, чтобы продолжить выступления в Штатах. Эта информация подкрепляет некоторые сомнения в да-

⁹⁰ В фонде Сергея Прокофьева хранится автограф композитора (листок с финансовыми расчетами по авторским гонорарам). На свободном поле его рукой приписано красным карандашом: «Совсем другой Прокофьев». Помета, сделанная в конце 1940-х гг., свидетельствует о глубоком переосмыслении прожитого (см.: ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1181).

⁹¹ РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 75. О самом большом и быстроходном французском лайнере «Нормандия», созданном гением русского инженера-судостроителя В.Н. Юркевича, написано немало как в научной, специальной, так и в художественной литературе. Например, Ильф и Петров (пассажиры судна в 1936 г.) в «Одноэтажной Америке» восхищались грандиозностью и порицали баснословную роскошь лайнера: «“Нормандия” — это колоссальная гостиница с роскошным видом на море, которая внезапно сорвалась с набережной модного курорта и со скоростью 30 миль в час поплыла в Америку». С 1935 по 1939 г. было сделано 139 пассажирских рейсов. Среди знаменитых пассажиров «Нормандии» Шаляпин, Марлен Дитрих, Чкалов и др. Во время Второй мировой войны лайнер в результате пожара затонул в доке Нью-Йорка.

Судя по детским воспоминаниям Святослава Сергеевича Прокофьева, «дома разговоров о “Нормандии” было много». В московской квартире композитора на ул. Чкалова долгое время хранился макет судна. В семейном архиве Прокофьевых в Париже сохранились пассажирская квитанция (бирка) с именем Прокофьева и записка неустановленного лица Прокофьеву на корабельном бланке, датированные 1938 г. (Сведения любезно предоставлены Сергеем Святославовичем Прокофьевым.) Так что Прокофьев неоднократно путешествовал на «Нормандии». Это также могло внести путаницу при подписи фотографии в альбоме. Мясковский мог написать год получения фотоснимка (именно в 1936 г. прибыл основной багаж семьи Прокофьева из Парижа), а название «Нормандия» появилось потому, что о судне много слышал от Сергея Сергеевича. Стоит добавить небольшой «штрих» к сюжету о «Нормандии»: интерьеры лайнера были созданы по эскизам художника Александра Яковлева — того самого «Саши-Яши» из близкого окружения Прокофьева в Париже. См. записи 1919–1933 гг.: *Прокофьев С.С. Дневник*. Ч. 2: 1919–1933.

*С.С. Прокофьев, Н.А. и С.В. Рахманиновы
на борту трансатлантического судна «Беренгария». Декабрь 1929».*
РГАЛИ. Ф. 2040. Оп. 4. Ед. хр. 32. Л. 75

тировке, вызванные деталями, изображенными на снимке: Наталья Александровна в пальто или манто до колена, на голове — шляпка-клош. Этот головной убор круглой формы с маленькими полями моден в 1920-х гг., но исчезает к середине 1930-х гг., а одежда становится значительно длиннее. На Сергее Сергеевиче костюм также не вполне соответствует 1936 г. Кроме того, на фото Сергей Сергеевич выглядит слишком молодо (скорее как в начале 1930-х гг.). Сергей Прокофьев и Наталья Рахманинова отлично разбирались в моде: они не только любили хорошо одеваться, но и могли себе это позволить. В Прокофьеве всегда отмечалось безупречное владение стилем в одежде: «Одет он был всегда с иголки... Изящно сидевший костюм»⁹². А Сергей Васильевич в тем-

⁹² *Аджемов К.Х. Незабываемое: Воспоминания. М., 1972. С. 7.* Константин Христофорович Аджемов (1911–1985) — пианист, педагог, музыкальный критик, в 1936 г. был аккомпаниатором Л.И. Прокофьевой.

ном немного бесформенном пальто выглядит как обычно на фотографиях 1920–1940-х гг. — «вне времени и пространства». Не оттого, что Рахманинов не умел или не хотел следовать моде (думается, супруга композитора следила за внешним видом обожаемого ею Сергея Васильевича), а потому, что внешность его была настолько оригинальна, что позволяла не замечать, во что он одет. «Наружность Рахманинова была значительна и своеобразна. Он был очень высок ростом и широк в плечах, но худ. Когда сидел — горбился. Форма головы у него была длинная, острая, черты лица резко обозначены. Он брил усы и бороду. Его лицо покрывали выразительные складки морщин, а довольно большой, красивый рот нередко складывался в ироническую улыбку»⁹³, — таким он запомнился современникам.

Итак, с 1937 по 1938-й (последний вояж Прокофьева за рубеж) вполне вероятно случайная и прощальная встреча двух великих Сергеев во время их концертных турне по Европе и Америке. Вторая мировая война пресекла эти возможности — Рахманинов на последнем рейсе «Аквитании» навсегда покинул Старый Свет 23 августа 1939 г. (за неделю до вторжения Гитлера в Польшу).

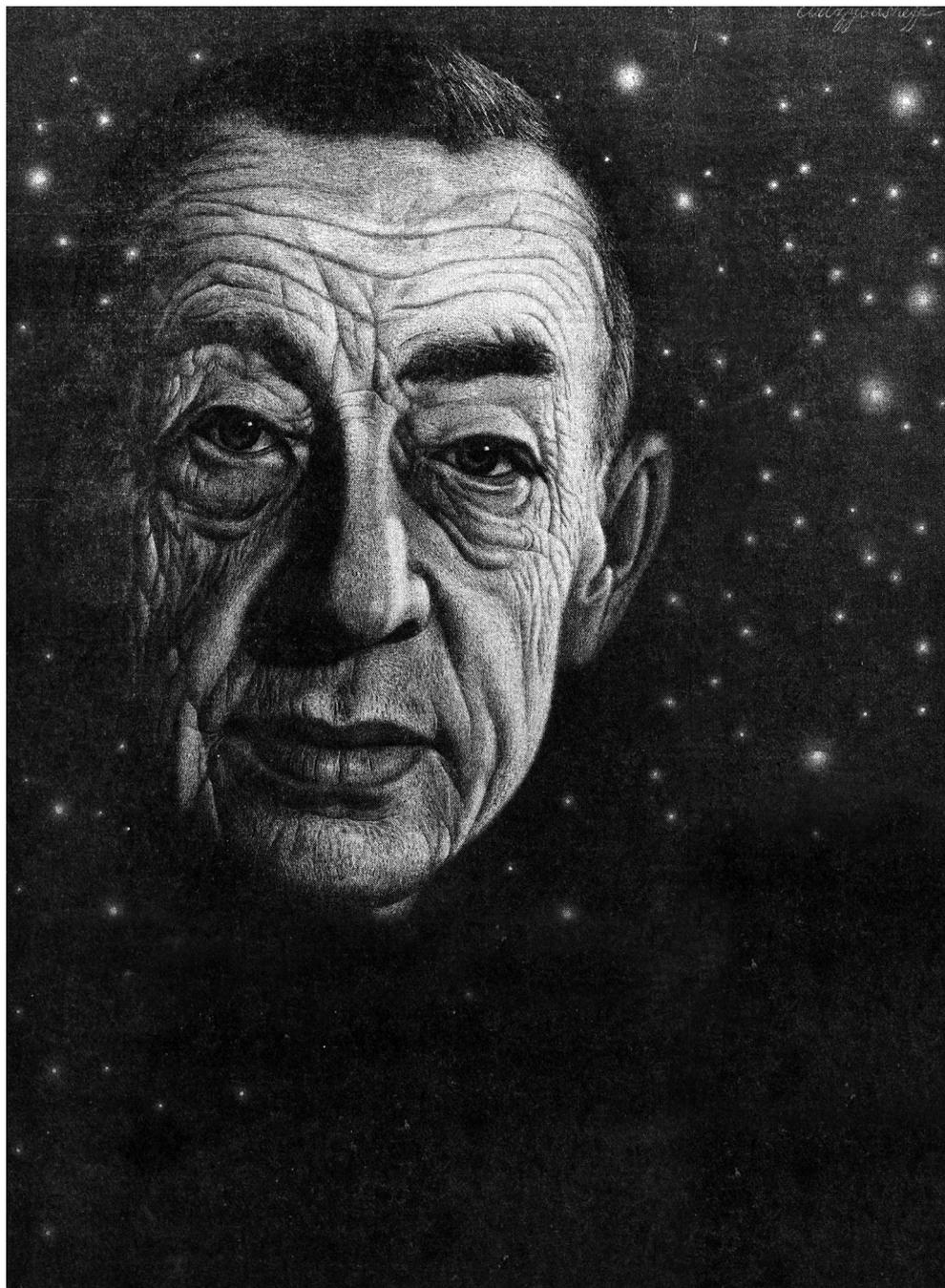
17 марта 1943 г., накануне 70-летия Сергея Васильевича на его имя были получены поздравительные телеграммы из Советского Союза. Одна из них от Союза композиторов СССР. Среди подписантов имя Сергея Прокофьева⁹⁴. Но Рахманинов по состоянию здоровья вряд ли мог прочесть это поздравление. В ночь с 27 на 28 марта 1943 г. он скончался в больнице Беверли-Хиллз от рака легких и печени. Незадолго до кончины Сергея Васильевича, а именно в конце января 1943 г., Прокофьеву приснился сон⁹⁵, вошедший в воспоминания его второй жены Миры Александровны Мендельсон-Прокофьевой (запись от 25 января 1943 г.): «Сережа во сне видел Рахманинова. Ему снилось, что мы идем по какой-то дачной местности и встречаем Рахманинова с букетом лиловых и желтых цветов. Сережа, желая быть любезным, говорит Рахманинову, что солнце бросает красивые блики на его букет. Рахманинов в свою очередь говорит о том, что его интересует новый концерт Сережи. Сережа недоумевает, почему он спрашивает о ненаписанном концерте, а не о Седьмой сонате»⁹⁶. Это чуть ли не единственное упоминание о

⁹³ Гольденвейзер А.Б. Воспоминания. С. 337.

⁹⁴ См.: Рахманинов С. Литературное наследие. Т. 3. С. 393.

⁹⁵ По-видимому, Прокофьев внимательно относился к своим сновидениям. По его дневниковым записям известны сны о Максе Шмидтгофе (консерваторском друге), о Римском-Корсакове, о Глазунове, «склонившемся над его [Прокофьева] постелью, поздравившем Сережу с успехом “Александра Невского” и сообщившем, что очень хорошая статья о кантате появилась в Бурято-Монгольской газете» (цит. по: Мендельсон-Прокофьева М.А. Воспоминания // ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1413. Л. 59).

⁹⁶ Мендельсон-Прокофьева М.А. Воспоминания // ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 33. Ед. хр. 1413. Л. 58–59. В этой дневниковой записи М.А. Мендельсон-Прокофьева упоминает о сонате в связи с тем, что незадолго до этого впервые прозвучало новое сочинение Прокофьева — Седьмая соната для фортепиано в исполнении С.Т. Рихтера (14 и 18 января 1943 г.), за создание которой композитор получил Сталинскую премию в том же 1943 г. Свой последний Концерт для фортепиано с оркестром (№ 5, ор. 55) Прокофьев написал в 1932 г., задолго до окончательного возвращения в СССР и до «знаменательного» сна.

Портрет С.В. Рахманинова. Худ. Б. Арцыбашев.
Иллюстрация из газеты «Нью-Йорк таймс». 1 апреля 1943. ВМОМК им. М.И. Глинки.
Ф. 18. Ед. хр. 221

Рахманинове в архивном наследии Прокофьева по возвращении в СССР⁹⁷. Символично, что последняя встреча композиторов произошла лишь во сне. Не своеобразное ли это предчувствие скорого ухода Рахманинова, не доказательство ли необъяснимой связи людей и явлений? Новый концерт, которым интересовался Рахманинов в сновидении, Сергей Сергеевич все же начнет писать в 1952 г., но не успеет закончить. Шестой концерт для двух фортепиано и струнного оркестра в трех частях (opus 133) сохранился только в набросках. Может быть, двадцать четыре страницы эскизов концерта⁹⁸ хранят ключ к истолкованию знаменательного сна Сергея Прокофьева?

Прошло чуть больше года со смерти Сергея Васильевича. 22 мая 1944 г. в Москве цвела любимая им сирень. В ходе мировой войны наконец-то повяло миром. А в Большом зале Московской консерватории состоялся симфонический концерт, на котором присутствовал Прокофьев. В программе — Рахманинов «Рапсодия на тему Паганини», Третий фортепианный концерт Сергея Сергеевича. Солировал Яков Зак⁹⁹. Нет сомнения, что в этот вечер Прокофьев думал о Рахманинове, вспоминая все, что связывало их. Это подтверждает фрагмент воспоминаний Д.Р. Рогаль-Левицкого, работавшего с февраля по март 1944 г. с Прокофьевым над партитурой «Сказки про шута, семерых шутов перешутившего»¹⁰⁰. Композитор тогда занимал номер в гостинице «Метрополь». В одно из посещений между Рогаль-Левицким и Прокофьевым состоялся следующий разговор: «Хотите посмотреть последний портрет Рахманинова? Это американский журнал, только что полученный в Москве.

— Конечно! — ответил я и подошел к Прокофьеву.

— Вот, кажется этот. Смотрите, как он изменился незадолго до смерти.

Действительно, лицо Рахманинова было неузнаваемо. Под глазами были огромные мешки, все лицо в глубоких морщинах, а в выражении его всегда такого сурового, немного татаро-монгольского облика было что-то подавленное и глубоко скорбное.

— Как это ужасно! — заметил я, — а отчего, собственно он умер.

— Кажется от рака легких, но боюсь, это не совсем так...¹⁰¹

⁹⁷ 16 марта 1950 г. в Кремлевской больнице Прокофьев в беседе с профессором М.С. Александровым поделился своими воспоминаниями о Рахманинове. Об этом: *Мендельсон-Прокофьева М.А.* Воспоминания о Сергее Прокофьеве. Фрагмент: 1946–1950 годы // Сергей Прокофьев: К 50-летию со дня смерти. Воспоминания, статьи, письма. С. 193.

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 1. Ед. хр. 179.

⁹⁹ Помимо этих сочинений в программе исполнялся Концерт для фортепиано и оркестра М. Раделя.

¹⁰⁰ В 1944 г. Д.Р. Рогаль-Левицкий оркестровал балет «Сказка про шута, семерых шутов перешутившего» (1915–1920) для предполагаемой, но неосуществленной постановки балета в Кировском театре. Работа осталась незавершенной.

¹⁰¹ Эта фраза Прокофьева представляется весьма интригующей, но, как пишет публикатор воспоминаний Д.Р. Рогаль-Левицкого, «пояснить ее не представляется возможным». См.: *Рогаль-Левицкий Д.Р.* «Мимолетные связи»: (К 70-летию со дня рождения Сергея Прокофьева) / публ. О.Г. Дигонской // Сергей Прокофьев: К 110-летию со дня рождения: Письма, воспоминания, статьи. М., 2001. С. 185.

Мы умолкли, созерцая последний портрет Рахманинова.

— А может быть, это не очень удачная фотография?¹⁰² — спросил я, отказываясь верить обложке американского журнала, тщательно выполненной в красках.

— Не думаю. Вероятно, так и было на самом деле, — тихо ответил Прокофьев и задумался (подчеркнуто в оригинале.— Е.К.).

Я не мог оторвать глаз от портрета Сергея Васильевича, которого я так живо помнил по его московским выступлениям. Лицо было, конечно, одним и тем же, но совершенно неузнаваемым — так оно изменилось перед смертью. <...> Через несколько минут Прокофьев взял из моих рук журнал и положил его на место»¹⁰³.

¹⁰² Во фрагменте воспоминаний Д.Р. Рогаль-Левицкого, скорее всего, речь идет не о фотографии, а о последнем портрете Рахманинова, написанном выдающимся русским художником Борисом Михайловичем Арцыбашевым (1899–1965), сыном известного русского писателя Михаила Арцыбашева. Работа над портретом Сергея Васильевича велась по цветной фотографии неустановленного автора, датированной 1941 г., и по серии снимков Эрика Скала (Eric Scaal). В конце декабря 1942 г. в нью-йоркской квартире Рахманинова по заданию журнала «Лайф» Скал провел последнюю в жизни Сергея Васильевича фотосессию. После долгих и сложных переговоров (Рахманинов не любил позировать перед фотокамерами, избегал газетной шумихи) композитор согласился. Эти снимки были опубликованы в журнале уже после смерти Рахманинова 12 апреля 1943 г. Известно, что Арцыбашев активно сотрудничал с «Лайф». Это обстоятельство является косвенным доводом того, что именно на основе фотографий Э. Скала художником был создан выразительный портрет, опубликованный в черно-белом варианте 1 апреля 1943 г. в газете «Нью-Йорк таймс». Под портретом были помещены отклики на кончину Рахманинова многих знаменитых музыкантов. Среди них Орманди, Кузевицкий, Стоковский, Рубинштейн и др. Таким образом, дата создания этого портрета Рахманинова — январь — март 1943 г. В сопроводительном тексте к изображению композитора редакция «Нью-Йорк таймс» сообщила, что в полноцветном варианте (см. выше: «...обложка... тщательно выполненная в красках») этот портрет будет опубликован в 10-м, майском номере журнала «Тайм», дочернем издании «Лайф». Казалось бы, все сходится, и именно знаменитая обложка «Тайм» с цветным портретом С.В. Рахманинова работы Арцыбашева послужила темой приведенного выше диалога между Прокофьевым и Рогаль-Левицким. Однако знакомство с интернет-сайтом архива журнала показало, что на обложке 10-го номера «Тайм» за 1943 г. изображен адмирал Третьего рейха Карл Дёниц. Просмотр близлежащих по времени обложек также оказался безрезультатным. Сплошной просмотр *всех* обложек «Тайм» с 1923-го (год основания журнала) по 1965-й (год смерти Арцыбашева) выявил, что ни один портрет Рахманинова никогда не публиковался на обложке этого журнала. К сожалению, по типично американскому принципу: на обложке только прижизненное изображение лица на пике карьеры — «Тайм» не изменил даже ради гениального композитора, столько сделавшего для музыкальной культуры США. Вероятно, Арцыбашев опубликовал свою работу в цвете в другом издании, попавшем в Советский Союз, а потом и в руки Сергея Прокофьева почти через год после смерти Сергея Рахманинова.

¹⁰³ Там же. С. 184–185.